

Владимир
Чистополов

18+

Рататуй

из разных слов

Сборник стихов

Владимир Иванович Чистополов

Рататуй из разных слов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42922775

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-09885-5

Аннотация

Стихи Владимира Чистополова, опубликованные в разные годы в разных СМИ, это настоящая гражданская поэзия, где находится место место и лирике, и любви. Автор любит жизнь во всех ее проявлениях, но иногда посмеивается над тем, как часто она бывает бестолкова и несуразна.

Содержание

Ты взгляни на эту жизнь просто	4
Занавеску отодвину на окне	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ты взгляни на эту жизнь просто

* * *

Мы не играли в детстве в фантики,
Зато играли часто в ножички.
Брели сопливые романтики
По жизни скользкою дороженькой.

Одoleвали смело трудности
По дворовым понятным правилам,
И от избытка ранней мудрости
Все матерились очень правильно.

Кидали карты до полуночи,
Мечтали стать при жизни Крезами,
И волновались души выюношей
Неполноценными угрозами.

Мы в школе не были отмечены
Весьма хорошими манерами,
Хотя шпаною были вечером,
А днем обычно – пионерами.

Нам улыбалась наша Родина
С плакатов праздничных по-брежневски,

И лето спелую смородиной
Лечило наши души грешные.

И были наши мамы молоды,
И были наши папы сильными,
И солнце крыши крыло золотом
Под небесами ярко-синими.

Нас часто мучили моральями
И призывали стать послушными...
Сосредоточенно молчали мы,
И замки рушились воздушные.

Пропев на бис блатные песенки,
Порой совсем еще зелеными,
Поникнув, шли мои ровесники
В места не очень отдаленные.

Но звон гитар незатухающий
Был антуражем мрачным вечером
Для мужиков, в "козла" играющих,
Когда им выпить было нечего.

И подрастали братья младшие,
И уезжали братья старшие,
Лежали в лужах звезды падшие,

А жизнь расцветивалась маршами.

Мои забытые ровесники,
Неисправимые, простецкие...
Гитары, вермут, карты, песенки,
Статьи УК – совсем не детские.

Судьба судьбой играет весело,
Как ламаист своими Буддами.
Наслушавшись про Вольфа Мессинга,
Мешали прожитое с будущим.

Носили вычурные галстуки,
Сияли радостными рожами
И, словно буквы старой азбуки,
Остались в памяти похожими.

Кого-то узкая дороженька
В широты северные вывела,
И не помог им добрый боженька,
Он там бывать не любит, видимо.

В чужой земле нашли пристанище,
Отпев свои блатные песенки,
Простые граждане-товарищи,
Мои советские ровесники.

Их беды стали нам примерами
Любви к запретному неистовой,
Мы все бывали пионерами,
А кое-кто – рецидивистами.

Кому кайло, кому гармоника,
Мелькают дни, как мысли, пестрые,
От Лабытнангов до Салоников
Земля изнежена погостами.

И вроде не было пожарища,
И мор пока не намечается.
Но мне советские товарищи
Все реже в городе встречаются.

* * *

Я понял то, что знал давно:
Мы все умрем. И это повод
Сводить свою жену в кино,
А дочери купить обнову.

Не просыпаться по ночам,
С утра не ахать и не охать.
И не рубить себя сплеча
За то, что день был прожит плохо.

Не врать затем, чтоб уцелеть,
Не мерить жизнь ценой ливреи,
И телевизор не смотреть,
Поскольку там одни халдеи.

Простить обиды всем живым,
Прощенье попросить у мертвых
И, не боясь людской молвы,
Послать всех надоевших к черту.

Живем. Жуем. Армагеддон
Не наступил, и это значит -
Я был спасен, но не прощен,
И с возрастом переиначен.

Хрустальный омут юных дней,
Куда мы радостно ныряли,
Топил отчаянных парней,
И мы друзей своих теряли.

Был долог миг, а жизнь щедра
На аллегории и встряски.
Мы пили пиво из ведра
Не для общественной огласки.

Никто не мыслил умирать
За вожаделенные идеи,
Лилось вино по рубль пять,
И где-то прятались злодеи.

От равнодушия умов
Гнила великая держава,
И разноцветьем бранных слов
Надстройка базис обнажала.

Дряхлел заоблачный ЦК,
Советы не были едины.
На смену бонзам из совка
Пришли другие буржуины.

Довольно хрюкавший Гайдар
Лез в телевизор, как в корыто,
Реализуя божий дар
Устройства нищенского быта.

А главный деятель страны
Грозил на рельсы лечь публично
При повышении цены
На хлеб ржаной али пшеничный.

Не лег, конечно, никуда,

С моста упал, сие – не тайна.
Там не ходили поезда,
Но люди падали случайно.

Хотя, чего там вспоминать.
Иных уж нет... Грустить не стоит...
Кому-то нечего пожрать,
А кто-то баб в шампанском моет.

Из Мухосранска в Куршавель
Без крупных денег не добраться,
Хотя для всех открыта дверь,
Туда, где хочется остаться.

Покуда живы мы еще
И не сыграли в тесный ящик,
Есть шанс – что счастье обрящём,
А если правильно – обрящем.

Конечно, каждому свое:
Кому абсент, кому сивуха,
А на закуску: шампиньон,
Лангет, ромштекс... свиное ухо.

Хрусти, не сетуя на жизнь,
Для всех жульенов не хватило,

И понапрасну не божись
На проходящие светила.

* * *

Жили люди и до нас,
Горевали, водку пили,
Неумеренно любили,
Умирили в нужный час.

Дни и ночи не считали.
Уходя, гасили свет.
Сашу Черного читали -
Интересный был поэт.

Окрыленные мечтами
Лезли к черту на рожон.
И побитыми котами
Оттирались возле жен.

Журавлей считали в небе.
Продавались за рубли.
И икру на белом хлебе
Есть по праздникам могли.

В общем, жили – не тужили.
Проходил за годом год...

Далеко в Гуаякиле
Плавал белый пароход.

Сквозь замерзшее оконце
В пелене ленивых грез:
Голубое море, солнце
И летает альбатрос.

Ветер теплый и соленый.
Где-то близко край земли.
Золоченые погоны
И скрипучие ремни.

Склянки бьют, подносят чарку.
Пьем за Родину и честь.
Если станет очень жарко -
То у нас наганы есть.

А в России зимы люты.
Пахнут снегом облака.
И тягучие минуты,
И минувшие века.

Рождены мы изначально
Для сражений и побед...
Закипает в кухне чайник,

За стеной поет сосед.

Тикают часы в квартире,
И идет за годом год...
Далеко в Гуаякиле
Тонет белый пароход.

Что нам, братцы, день вчерашний.
С неба падает звезда.
Жизнь прожить – совсем не страшно.
И не ново, как всегда.

* * *

Вот и кончился опять год,
И привыкли, что другой век.
Не замедлился Луны ход,
Также падает с небес снег.

От свечи идет живой свет.
Можно выпить, если есть с кем,
Откажусь, махнув стопарь, пить
И соленый огурец съем.

Хорошо, когда вокруг гам,
Изобилует едой стол.
И в присутствии чужих дам

Глупо пыжится мужской пол.

Где-то в Африке опять мор
И в Израиле опять взрыв,
А у нас едой забит стол
И в сортире без конца слив.

Между рюмками, устав петь,
О России завели спор,
Дескать, нонешней стране смерть,
Потому что тут везде вор.

Дескать, злобен в нищете люд,
Значит нужен нам опять царь,
А иначе на Руси пьют,
Ну, а пьяный, он всегда – тварь.

И опять под рататуй влет,
(За Отчизну не грешно пить)
Соколами стопари в рот -
Чтобы было хорошо жить.

А скукоженный юрист-плут
И какой-то журналист-пень
В унисон: мол на Руси пьют
Те, кому вообще пахать лень.

И не нужен никакой царь,
Надо всем свободно жить дать,
Там, где царь – всегда полно харь,
Будут бить и из страны гнать.

Кто-то крикнул из угла – блуд!
Вашим доводам цена – грош,
Только божий есть на все суд
И любая власть под ним тож.

От пороков надо в лес, в глушь,
Чтобы к Господу открыть дверь
Для заблудших в темноте душ -
Это главная для всех цель.

Много было за столом слов,
Каждый с выводом своим лез.
Дамы ели с алычой плов
И шнырял по декольте бес.

Я простился и прошел в лифт,
Он унес меня с небес вниз,
Был я чуточку совсем крив
И проходим говорил: "плиз".

А под арками была темь
И я чувствовал, что я клоп,
Вышло где-то человек семь,
Без базара – кулаком в лоб.

Мне сказали: замолчи, вошь,
Может думаешь, что ты крут?
Раздевайся, если жить хошь.
А не то, считай, что ты – труп.

Я по улице бежал вскачь,
Снова лифт меня унес вверх,
Где какой-то подшофе врач
Успокаивал вокруг всех.

Дали выпить за конец бед,
Отогрелся и за стол сел.
И закутав наготу в плед
Я соленый огурец ел.

И участием кипел всяк,
И советовать ко мне лез,
Как достойно избегать драк
И безлюдных по ночам мест.

Снова вспыхнул за столом спор,

Кое-где переходя в крик:
Почему у нас в избе сор,
И не надо ли менять ЦИК?

Вот и кончился опять год
И привыкли, что другой век.
Кто без денег – самогон пьет,
Через реку едет к нам грек.

* * *

Я смотрю на эту жизнь просто,
Потому, что впереди – небыль,
И не ждет меня в морях остров,
На котором никогда не был.

Годы юности моей светлой
Пролетели, как в закат утки.
Не качнулись над прудом ветлы.
У природы есть свои шутки.

Это как же понимать, братцы?
Это что же за расклад шалый?
Только впору за дела браться,
А прожить осталось так мало.

Мимолетна череда весен,

И не хочется прослыть грубым,
Но в убожество пустых десен
Не желаю заправлять губы.

А уж лучше бы с коня оземь,
Чтоб шарахнулись вокруг птицы.
В изумрудную упасть озимь
И с Россией навсегда слиться.

И полынным полевым ветром,
Уносящим от земли души,
Хулигански раскачать ветлы
Над шестою частью всей суши.

Я смотрю на эту жизнь просто.
Незаметно я ее прожил.
И не ждет меня в морях остров,
И величие не ждет тоже.

С магараджей не играл в шашки,
Из боев не приходил в ранах.
И для дочери своей Дашки
Не заказывал жюльен в Каннах.

В общем, много не успел сделать
И не сделаю уже точно.

Появился я на свет белый,
Как и многие из вас ночью.

* * *

Иду по краю, сорву ромашку.
Навстречу нищий: башка в парше.
Возьми, бродяга, мою рубашку,
Наверно, зябко твоей душе.

Твой смысл жизни в краюхе хлеба,
В проблеме вечной: "По двести грамм".
Старик, не видно ночами неба
Из запыленных подъездных рам?

Легонько трону за лепесточек
С вопросом вечным: быть иль не быть?
Такой изящный, простой цветочек,
А может, сволочь, вполне убить.

Любит – не любит, верит – не верит,
К сердцу прижмет, к черту пошлет...
Биться не надо в закрытые двери,
Если уж биться, так навзничь об лед.

Что нам жалеть. В этой грешной юдоли
Жизнь не стоит, порой, ни гроша,

Но в беспросветности горя и боли
Светится свечечкой наша душа.

Слабою свечкой в нетронutom мраке,
Не согревая протянутых рук.
Вот потому и последней собаке
Жизненно нужен какой-нибудь друг.

Любит – не любит, верит – не верит...
Вся наша жизнь из разлук и потерь.
Биться не надо в закрытые двери.
Жизнь чужая – закрытая дверь.

* * *

Я на жизнь не жалею, конечно,
Хоть бывал и с подлостью знаком.
Детство было сытым и беспечным,
Юность под красивым пиджаком.

Нет упреков ни к отцу, ни к маме,
Были и подруги, и друзья...
Только жизнь должны мы строить сами
И халтурить тут никак нельзя.

У кого-то лепно и богато.
У кого-то наперекосяк.

У кого-то почести и злато.
Кто-то от рождения – босяк.

Я сегодня беден, словно белка,
Но от жизни счастлив все равно.
Повстречалась женщина мне в белом
О которой я мечтал давно.

Есть что вспомнить и о чем поплакать.
Ничего не хочется забыть.
Нравилось и мне когда-то в слякоть
По осенним улицам бродить.

Было счастье росными лугами
Пробежать по зорьке босиком,
Видел я, как мерными кругами
Плавают орлан над ивняком.

Жил в промерзшей крохотной землянке
На крутом приволжском берегу
И писал бывало после пьянки
Прутиком сонеты на снегу.

А с похмелья с лучшим другом Сашкой
Пили пиво с рыбой за углом
И мешали вирши о наташках

Вдрызг со "Стилизованным ослом".

Нас кормила сытно alma mater -
Мы паслись, как кони на лужке.
Каждый сам прокладывал фарватер
Ставя маяки в своей башке.

Молодость, ты не проходишь даром.
Ты равняешь нищих и царей.
Вдаль летит над городским бульваром
Светлый клин дорожных фонарей.

И когда к тебе приходит осень,
Не робей, мой друг, не суетись.
Ветер не умолкнет в кронах сосен
И небес не потускнеет высь.

ОБРЯЩЕМ ИЛИ ОБРЯЩЁМ?

Подите прочь, борцы за трезвость,
Я вам досуг свой не отдам.
Я буду тонко закусь резать,
Вдыхая кухни фимиам.

На сковородке – отбивная
Шкворчит посланницей судьбы,
И маринадом истекают

В тарелке белые грибы.

Казлык осыпанный кинзою,
Немножко паюсной икры,
Я для начала выпью стоя,
По старым правилам игры.

Лафитничек холодной водки
Под помидорку с чесночком,
Чтобы огонь прошел по глотке...
И выдохнуть его толчком...

Светлеет глаз, душа добреет,
И мир становится другим.
Надежда снова сердце греет,
И сигаретный сладок дым.

Удобно за столом раскинусь,
Налью еще, потом еще...
Расслаблюсь, головой раздвинусь...
...Обрящем или обрящЁм?

Нет, видно, все-таки обрящем
В себе невидимую нить,
Ту, что былое с настоящим
Пытается соединить.

Давай накатим, друг сердечный,
За тех, кого лишились мы,
За глупость жизни быстротечной,
За избавленье от тюрьмы.

Сия сентенция суконна,
Что водки много пить нельзя?
Всплывают в памяти бездонной
Мои ушедшие друзья.

Поговорю сегодня с ними
Проникновенно, по душам,
Повиснув в сигаретном дыме,
И выпивая не спеша.

Старею видимо, литруха
Еще не выпита до дна,
А вот уже не лезет в брюхо
И суть явлений не видна.

Пройду до зеркала в прихожей,
Оно умеет удивлять...
Какие тут гуляют рожи...
Пора уже ложиться спать.

* * *

Из чего рождаются стихи?
Из берез, которые вокруг?
Из крутого запаха ухи?
Из рукопожатья добрых рук?

Из вечерней трели соловья?
Из туманов, из ночных огней?
Из того что все мы сыновья
Несуразной Родины своей?

Бросить бы бумагу то марать,
Не транжирить душу медью сток,
Для того ль меня рожала мать,
Чтоб скулил, как брошенный щенок.

Я паскудством жизни окроплен
И живу порой дерьмо-дерьмом,
Дайте в долг на пьянку миллион –
Разберусь чуть-чуть в себе самом.

Может быть и выясню в конце,
Что в огромном скопище людей,
Где сидит подлец на подлеце,
Место есть не только для б...

Что весь смысл отпущенного нам
В том, чтоб никогда не обижать
Даже после двести, триста грамм...
Ближних женщин и друзей, и мать.

В несусветном скопище мозгов
Отыскать простые имена,
Наломать как можно больше дров
И не пить дешевого вина.

В общем-то не так уж мы плохи.
Огорченья в жизни – это вздор.
Из чего рождаются стихи?
Я и сам не знаю до сих пор.

* * *

Поверьте, жизнь любая – не напрасна.
И в каждой есть хоть небольшой, но смысл.
Не потому ль так красочно, так ясно
Соседствует с душою рядом мысль.
Мы – порожденье прихоти Вселенной,
Нам чувств высоких радость суждена,
Хотя недолговечны мы и тленны –
От жизни нас пьянит, как от вина.
Мы в буйствах нерасчетливы извечно.
Отчизна, дом, березы у крыльца –

Все это нам, с рожденья и навечно,
И нет, ребята, этому конца.

* * *

Что есть талант?
Стеченье обстоятельств?
Продукт побочный нескольких извилин?
Способность уходить от обязательств,
Когда другой уйти от них бессилён?
Высасывание истины из пальца
В желании судить и поражать?
Умение показать чужие яйца?
(свои порой неловко обнажать).
Игра с судьбой крапленой колодой -
Утеха удрученных дураков?
Наследство генов, данное породой,
Копившееся множество веков?
Иль ловкость рук без всякого мошенства
На перекрестье трудного пути,
Когда к вершинам совершенства
Уже не хочется идти?
Что есть талант?
Забава или горесть?
По номиналу медного гроша
Любой талант меняю я на совесть,
Он без нее не стоит ни шиша.

* * *

Мы были маленькими все,
Повсюду мы свой нос совали,
Любили бегать по росе
И одуванчики сбивали.

Мог уместиться целый мир
На нашей крошечной ладони.
И был понятен нам эфир,
И снились розовые кони.

Мы были чужды злу и лжи
Околоземного пространства.
И в сердце не было межи
Делившей наше постоянство.

А просыпаясь по утрам,
Как будто заново рождались
И в поцелуях наших мам
Безоговорочно нуждались.

И были сказочно вольны,
О демократии не зная,
Мы редко какали в штаны,
Свободу действий утверждая.

* * *

Испокон по всей земле знают человеки,
Что когда-нибудь придет их последний час.
Неохота умирать в 21 веке -
Это как набрать "очко" и глупо крикнуть "пас"!

А чего теперь не жить – хлеба всюду вдоволь.
Да, воруют, как всегда, но зато не мор.
Первой картою на стол выпал туз бубновый,
Значит, есть с чего начать про удачу спор.

Триста лет тому назад было много проще,
Жизнь не стоила тогда медного гроша.
Люди верили в судьбу да святые мощи,
И брела на свет свечи грешная душа.

Иногда летели в пыль царские короны,
Ну, а чаще люд простой тупо падал ниц.
И дородные попы в целях обороны
Примеряли на себя кротость светлых лиц.

А бродяга, пьяный вдрызг, славя Божью Матерь,
Осенял себя крестом и чудес просил...
Неожиданный расклад – три шахи – на скатерть,
Между прочим, иногда счастье приносил.

Никому вокруг нет дел до чужих напастей,
Не меняют во дворе рубль на луидор.
Кто-то где-то втихаря так тасует масти,
Что всегда тебе в конце будет перебор.

Снова брошены на кон тихие печали,
Никакого буйства чувств или торжества.
Карты падали на стол... Голоса звучали...
Возводилось мастерство в степень колдовства.

Все еще имеет цель, все еще возможно,
Не протухли от еды зоркие глаза.
Из колоды серых дней очень осторожно
Надо вытащить на свет "десять" и туза.

* * *

У отца была машинка "Москва",
Он на ней ночами тихо стучал.
Государство не жалело куска
Тем, кто Маркса "Капитал" изучал.

В мандариново – конфетную жизнь
Не вползала бытовая тоска,
В холодильнике колбасы велись,
И стучала ночью тихо "Москва".

Этой музыкой научных трудов,
Отпечатанной на белых листах,
Был заполнен весь отеческий кров
Даже в самых интересных местах.

Папа маленькую дочь баловал,
И была девчонка к счастью близка,
Если он ей иногда разрешал
Попечатать на машинке "Москва".

Может, это наложило печать
И на всю ее дальнейшую жизнь.
Полюбилось на машинке стучать,
Хоть уже и повзрослела, кажись.

Просвещения избыльны плоды,
Ты похожа на отца, только... да,
Он свои всю жизнь печатал труды,
Ты печатала чужие всегда.

Не в обиду это и не в укор,
Каждый в жизни выбирает свой путь.
Кто-то рвет штаны, минуя забор,
А другие вдоль забора идут.

Верно все. Среди мирской суеты
Ты себя не уставая ищи.
Бабка газовой боялась плиты,
Но привыкла и варила борщи.

В Сингапуре нас, как прежде, не ждут,
И никто нас не зовет в Амстердам...
В Заполярье эскимосы живут,
Им, наверно, тоже хочется к нам.

* * *

По проплешинам полей
Бестолково бродит осень.
Никого она не просит
Быть печальней и умней.

В наказание за грехи
Появляются поэты
И слагаются куплеты
С тайным видом на стихи.

Буйным скопом в унисон
Воспевают увяданье.
Воспалется сознание,
И совсем уходит сон.

Гласу тайному внемля,
Стонут бедные поэты
О величии планеты
Под названием Земля.

И страдают, и творят,
Огонь души вдувают в слово,
В белизну листа пустого
Выставляют буквы в ряд.

С неба катится звезда,
Лезет в ноздри запах сосен...
Только Болдинская осень
Не вернется никогда.

Если нечего терять -
Можно плакать по осинам,
С суетливостью крысиной
Чьи-то мысли повторять.

И рассудку на беду
Смысл искать в одном моменте -
Постоять на постаменте
У прохожих на виду.

О ЛЮБВИ

На огородах горбато пластаются люди.
Ветер траву задувает в случайные щели.
И, положив на живот истомленные груди,
Толстая тетка открыла прохожему двери.

И окунулся продрогший голодный бродяга
В тесной избы кислотовато-потливую сладость,
И не залаяла в будке худая дворняга
Сердцем собачьим почувствовав теткиную слабость.

Осенью сумерки рано ложатся на землю,
Тянется ночь не спеша, словно путь на Голгофу.
Странник уставший, шумливо и трепетно дремлет,
Съев натошак покропленного салом гороху.

Но не затем приютила прохожего тетка,
Чтобы задаром кормить его хлебом и салом.
Он в эту ночь для нее – дорогая находка.
Жуть одиночества напрочь с кровати прогнал он.

И, занавесив потершимся ситцем иконы,
Свет потушив и внезапно решившись на шалость,
Тетка приникла к прохожему с тягостным стоном,
Сипло шепнув ему в ухо: "Погрей меня малость".

И обвила его крепко за тощие плечи,

И навалилась прямо и очень мясисто.
Заспанный гость, опасаясь телесных увечий,
К двери рванул, на ходу закричав голосисто.

Бабы бывают порою во многом повинны.
В частности, даже в падении города Трои.
Ночью осенней холодной, промозглой и длинной
Дафнис зачуханный тек от назойливой Хлои.

И серебрился поганый туман над болотом
Там, где скукожившись, прыгали мелкие звери.
Ежели вам полюбить непременно охота
Лучше держать затворенными накрепко двери.

Только тогда поумнеют беспечные люди,
Если закрыть их, прибавив при этом по роже.
И на пропахшие дымом Отечества груди
Голову склонит любой суетливый прохожий.

* * *

Наш век жлобьем не выпит был, не съеден.
Мы от людей не прятали глаза.
Взаимы на пьянку брали у соседей
И, не крестясь, глазели в образа.

Не верили ни в черта и ни в бога,

На прошлое смотрели свысока.
Шагали бойко по кривым дорогам,
Рассчитывая лишь на дурака.

И кто-то, сторяча рамсы попутав,
Был остановлен праведным пером,
И вспоминал в последнюю минуту
Забытый страх да милый отчий дом.

Кого-то эта участь миновала,
И он вошел паломником в кичман
Владимирского строгого централа
Иль просто по этапу в Сусуман.

А те, кого по краю злая доля
Походкой праздной тихо обошла,
За теплым пивом в очереди стоя,
От жизни не хотели ни рожна.

У магазина, словно у колодца,
Аполитично терся пьяный люд,
И было много мата и эмоций,
Когда вино не в тот стакан нальют.

Потом трезветь учились постепенно,
Закатывая мысли в словеса,

Куликали о жизни нашей брэнной,
Прищуривая пафосно глаза.

Самих себя надеждами дурили,
Пытаясь влезть с земли на небеса,
И многим это было бы по силе,
Но небеса стекали по усам.

Социализм чеканил наши души,
Запретный плод мы метили плевком,
Гордясь своей шестою частью суши,
Крестящейся серпом и молотком.

Такое было время золотое,
У всех синицы гадили в руках
Не потому, что млели от застоя,
А потому что сытость дула птах.

Но ведь синица – это же не птица,
И каждому хотелось в журавля
Удачливо и весело вцепиться
На всесоюзной паперти Кремля.

Переполняя чаянья народа,
Помазанники чьи-то принялись
Устраивать в Отечестве погоду,

Меня кардинально нашу жизнь.

Все ленинские догмы – на помойку,
А Сталиным начнут пугать детей,
Закапывая базис под надстройку,
Набравшуюся западных идей.

Всех журавлей по-тихому поделят,
И узаконив важные дела,
На Ибицу и Фиджи с Коктебеля
Перенаправят сытые тела.

И где-то там у западной босоты,
Оплачивая дачу и пленэр,
Взгрустнут порою о партийных льготах,
Которые давал СССР.

Как говорится, все живем под богом,
И большинство не поняло пока,
Куда шагают по кривым дорогам,
Рассчитывая лишь на дурака.

Не надо слов, куплетов, резолюций.
Мы все дрожим, как зуб в больной десне,
От громких революций и поллюций,
Неслышно совершившихся во сне.

Россия – мать. Она вас не оставит.
Всем даст в конце заслуженный приют.
А ангелы утешат и направят,
И гроб гвоздями толстыми забьют.

* * *

Снова осень, лист ложится.
Лает шавка у ворот.
И ободранная птица
Мусор суетно клюет.

За деревней нивы голы.
Потемнели облака.
Только слышен крик веселый
Подпитого мужика.

Осиянная равнина
В черных язвизах паров,
Где покоится невинно
След объевшихся коров.

Гой, края мои раздольны.
Вдоль дороги лебеда.
Сладко пахнет ветер вольный
Тихой прелостью пруда.

Здравствуй, старая осина.
Ты засохла? Ну и пусть.
Я приду к тебе с корзиной,
А в корзине – черный груздь.

Вспомню годы молодые,
И к шершавистой коре
Я приникну толстой выей,
Чтоб поплакать на заре.

Сердцу хочется улады,
Песни требует душа,
И с ногами нету сладу -
Просят сделать антраша.

Гой еси, моя Отчизна,
Плугом долбанная Русь,
С избыльем катаклизмов
И брюхатистых Марусь.

Шапку на уши надвинув,
Бродит мальчик по стерне.
И не водится павлинов
В странной нашенской стране.

Снова осень. Лист ложится.
Дождь вгоняет в душу грусть.
Замарала шляпу птица -
Я подумал: "Ну и пусть" ...

ПРО КРИЗИС

Я вчера попал в больничку -
Перенервничал слегка:
Сунул Лехе в ухо спичку
С ловкостью мамелюка.

Он хандрил передо мною,
Долгий кризис обещал,
Издевался над страной,
Девальвацией стращал.

Говорил, что голос слышит,
Извещающий извне,
Что повсюду едут крыши,
И валюты нет в казне.

Я его от этих слухов
По-товарищески спас:
Сунул спичку прямо в ухо -
И затих враждебный глас.

Что тут, братцы, приключилось -
Сразу трудно рассказать:
Доброхотов рать явилась
По рукам меня вязать...

Налетели, закрутили,
И какой-то идиот,
Распалившись в хилой силе,
Пнул меня ногой в живот.

А потом укол и койка,
Встреча с добрым главврачом,
И пустырника настойка,
И беседа ни о чем.

Подходили пациенты,
Вопрошали, что и как,
В основном про дивиденды
И про кризисный напряг.

Вижу – нету сумасшедших:
Изнуренный жизнью люд,
Вроде ангелов сошедших,
Если ангелы запьют.

Озабочены серьезно:

Кризис, сука, доконал,
Говорят, пока не поздно,
Надо выпить барбитал.

Или что-то вроде плана
На бумаге набросать...
А от плана – все в нирвану,
И захочется плясать.

Да, идея неплохая,
Но цена ей – медный грош.
План легко найти в Шанхае,
А в больнице не найдешь.

Можно, правда, выпить водки,
Водка, кстати, есть везде,
Но от водки сушит глотки,
Если соли нет в грузде.

Прошагал по коридору
Вова – добрый санитар,
Ищет парень мандрагору,
Чтобы сделать нам отвар.

Он прославиться желает,
Всем врачам наперекор,

Мандрагору откопает -
И снесут вокруг забор.

А меня он, между прочим,
От кровати отвязал,
Я обрадовался... очень...
Но с матраса не слезал.

Мало ли... Один отпустит -
Трое кинутся ловить...
Сгоряча еще опустят
Или рожу станут бить.

Я сижу на одеяле,
Слезы капают из глаз,
Что и где мы прозевали?
Объясните, васисдас?

За окном стрижи летают,
Ни тайфунов нет, ни бурь,
Люди благостно икают
На небесную лазурь.

Где-то прячется Мессия,
Не желая лезть крест.
И, как многие в России,

Не работает, но ест.

* * *

Может где-то по-иному,
Но у нас в России так.
Суть божественной основы:
Ты начальник – я дурак!

* * *

Реформа школы удалась.
Все больше в классах бандерлогов.
Работой нищих педагогов
Руководит успешно власть.

Занавеску отодвину на окне

* * *

Марийская столица -
Не Тиволи, не Ницца.
Но довелось родиться
Мне в этом городке.
Росли мы, ротозеи,
Не зная Колизея,
И на ворон глазели,
Валяясь на песке.
Крикливые бродяги
По берегам Кокшаги
С утра на перетяги
Ловили голавлей.
В садах грушовку крали,
Но лишнего не брали,
И из поджиг стреляли
В пиковых королей.
А у пивнушки грязной
Был вид весьма развязный,
Народ бывал там разный:
Кто вусмерть, кто слегка...
Мы там забав искали
И парня обижали,

Которого все знали
Как Колю-дурака.
Дразнили непристойно.
Убогий был достойный:
Всегда сперва спокойно
Воспринимал кураж,
Но после распалялся,
Мычал на нас, плевался
И с палкою гонялся,
Входя от шума в раж.
Мальцы шестидесятых
В штанах ходили мятых,
Вокруг парней фиксатых -
Ушастых блатарей.
Играли в "храп" и в "чику",
И было много крику,
Когда тянул на пику
Какой-нибудь халдей.
Родители не знали,
Во что и как играли,
А то бы отодрали,
Как сидоровых коз.
Они добра хотели,
Взахлеб нам в уши пели
И про благие цели
Несли апофеоз.

Все это было, было...
Облезлая кобыла
Татарина возила.
Кричал: "Шары-бары".
А пацаны и бабки
Несли старье и тряпки
В обмен на куклы, тапки,
Воздушные шары.
Рос город, мы выросли,
По скверам песни пели,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.